

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТНОНИМА РУСЬ В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ДРЕВНЕЙШИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ*

К.А. Максимович, к.ф.н. (ИРЯ РАН, ПСТГУ)

I

Происхождение названия *Русь* относится к числу тех крупных научных проблем, решение которых невозможно найти в рамках одной отдельно взятой научной дисциплины. Как писал известный германист К.-О. Фальк, «проблема этимологического объяснения этого имени является, несомненно, одной из труднейших и одновременно важнейших в русской исторической и лингвистической науке»¹. Научная литература, посвященная лексической группе *Русь/Rōs/Россия*, чрезвычайно обширна. Мы не ставили своей задачей дать ее полный и всесторонний анализ². Свою главную цель мы видели лишь в том, чтобы проанализировать доказательную силу аргументов, приводимых в обоснова-

ние той или иной этимологии термина *Русь*. При этом вопросы, выходящие за рамки источниковедческой и лингвистической проблематики, имели для нас подчиненное значение.

Появление в Средиземноморье в IX в. воинственного народа привлекло пристальное внимание Константинопольского двора и византийской культурной элиты не только потому, что этот народ, называвший себя *русью*, разорял земли империи. Важным обстоятельством послужил также приход *русси* с севера — это дало византийцам не только формальное (по созвучию), но и содержательное основание отождествить народ *русь* с библейским правителем *Рош*, который упоминается в пророчестве Иезекииля: «так говорит Господь Бог: вот Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя и поведу тебя, и *выведу тебя от краев севера* и приведу тебя на горы Израилевы» (Иезек. 39:1–2)³.

В науке было много попыток установить этимологию имени *Русь*. Однако как наиболее вероятные традиционно рассматриваются три из них — германская (скандинавская), славянская и, условно говоря, «южная» (индоарийская). Рассмотрим доводы за и против этих этимологий. Начнем с той, что была предложена первой — со скандинавской.

Скандинавская этимология названия *Русь* сложилась в рамках так называемой «норманнской» теории А. Куника и В. Томсена о происхождении древнерусской государственности. Согласно данной этимологии, подкрепляемой словоупотреблением в древнерусской «Повести временных лет» (далее ПВЛ), имя *Русь* через посредство фин. *Ruotsi* «шведы» происходит из древнегерманской основы **rōds-*, отразившейся в др.-швед. *rōdher* «весло, гребля», *Rōdhsin* — название жителей области Рослаген на восточном побережье Швеции (*Roslagen* < *Rōpslagen)⁴, а также в целом ряде древнешведских композитов — *rōdsmæn*, *rōdskarlar*, *rōdsbyggjar* «мореходы, гребцы»⁵ или «жители проливов, шхер»⁶.

* Работа дважды обсуждалась на ученых собраниях - в Институте всеобщей истории РАН и на расширенном заседании редколлегии журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» (гл. ред. Е.Л. Конявская). Автор считает своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность коллегам, принявшим активное и плодотворное участие в обсуждении статьи - А.А. Гишпиусу, А.А. Горскому, М.В. Грацианскому, И.Г. Добродомову, Т.М. Калининой, И.Г. Коноваловой, Е.Л. Конявской, П.В. Кузенкову, А.В. Кузьмину, В.А. Кучкину, П.В. Лукину, А.В. Назаренко, В.Я. Петрухину и П.С. Стефановичу. Автор также благодарен сотрудникам отдела «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд» (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) за предоставленный доступ к материалам словарной Картотеки.

¹ Falk K.-O. Einige Bemerkungen zum Namen Rusi // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). Actes du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Upsal 20–22 avril 1979. Uppsala, 1981. P. 147.

² Основные работы о происхождении Руси неоднократно переиздавались в виде объемистых тематических сборников — можно указать, например, следующие издания: Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 1999; Русский народ: терминология, исследования, анализ. Жуковский; Москва, 2001.

³ Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко. Комм. М.А. Сюзюмова, С.А. Иванова. М., 1988. С. 211–212.

⁴ Kunik A.A. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven. Sankt-Petersburg, 1844. Bd. I. S. 67–70, 89–96, 163–167.

⁵ Томсен В. Начало Русского государства. М., 1890. С. 84–87.

«Северная» этимология *Руси* в интерпретации Томсена в настоящее время отвергнута германистами, поскольку в скандинавских источниках сложные термины *rôdsmaen* и *rôdsbyggjar* не встречаются вообще, а термин *rôdskarlar* 'жители Рослагена' засвидетельствован лишь с XV в. — при этом данный тип сложения, содержащий *s*, по соображениям исторической фонетики не может быть древнее XIII в.⁷ С другой стороны, сторонники «скандинавской» гипотезы вынуждены переносить факт современного финского языка (*Ruotsi*) на прафинские диалекты VI–VII вв. Примером такого подхода может служить так называемая «лундская» гипотеза С. Экбу, который реконструирует для современного фин. *Ruotsi* исходную прагерманскую форму V–VI вв. (!) **rôþ(e)R* 'гребля', где конечное *-R* в силу незавершенности процесса ротацизма могло звучать как [z]⁸. В качестве германских параллелей приводятся совр. швед. *rodd* 'водное пространство для гребли и особенно рыбалки', норвеж. *ror* 'фарватер для гребли', др.-швед. *rôþer* (место фиксации не отмечено) и др.-сканд. (скальд.) *rôðrs* в контексте XI в., однако с неясным значением, которое С. Экбу интерпретирует как 'гребля' или 'гребное судно'⁹. Помимо того, что гипотетическое **rôþ(e)R* экстраполирует в глубокую прагерманскую древность ситуацию современного финского языка, настораживает обилие разного рода допущений и насилий над логикой, которые при этом приходится делать. Во-первых, достоверно неизвестно качество «палатального *R*» в исходе **rôþ(e)R* (здесь приходится «предполагать» его «фрикативный» характер и «близость к звонкому альвеолярному [ʒ]»); во-вторых, согласно Экбу, заменой этого гипотетического *R* при заимствовании в финский «без сомнения» было финское *s*, поскольку других звуков, подобных *R*, в финском не было. Здесь возникает вопрос, откуда автор об этом зна-

⁶ Ekblom R. Rus- et vareg- dans les noms de lieux de la région de Novgorod. Stockholm, 1912. S. 9–10; *idem*. Roslagen-Rußland // Zeitschrift für slavische Philologie 26 (1957). H. 1. S. 47–58.

⁷ Ekbo S. The Etymology of Finnish Ruotsi 'Sweden' // Les pays du Nord et Byzance... (см. сн. 1) P. 143, 144.

⁸ Ekbo S. Om ortnamnet Roden och därmed sammanhängande problem: En översikt från nordisk synpunkt // Arkiv för nordisk filologi 73 (1958). H. 3–4. S. 187–199; *idem*. The Etymology... P. 143–145.

⁹ Ekbo S. Om ortnamnet Roden... S. 187 и сл.; *idem*. The Etymology... P. 143.

ет — ведь «фрикативность» прагерманского *R* осталась не более чем гипотезой, да и та явно суггестирована современным фин. *Ruotsi*. Так образуется типичный порочный круг доказательств, замкнутых друг на друга.

Методологическая уязвимость подобных построений не укрылась от исследователей-германистов — вероятно, поэтому они зачастую отказываются от поисков точного прагерманского соответствия современному фин. *Ruotsi*, ссылаясь на «несомненное существование» самого корня **rôdh-* в германских языках. В таком подходе проявляется, увы, вопиющее насилие над этимологической методологией, поскольку научная этимология реконструирует не «корни» слов, а сами слова (точнее, их праформы) — с корнем и всеми необходимыми аффиксами. Если же этимология объясняет только часть слова (корень), а другую часть оставляет без объяснения, то иначе как «народной» такую этимологию назвать трудно.

Итак, существование в VI–VII вв. прагерманских основ **rôds-* и **rôþ(e)R* обосновывали, с одной стороны, наличием прагерманского корня **rôdh-* со значением 'весло; гребля' и, с другой стороны, современным финским названием шведов *Ruotsi*. Как мы видели, эти объяснения наталкиваются на трудности историко-фонетического характера. Однако производство этнонима (*Русь*) от *nomem actionis* (*гребля*) маловероятно и по соображениям семантики, поскольку это привело бы к системному смещению сигнификатов — иными словами, к отождествлению в речи действия (*гребля*) с названием народа или социальной группы. Семантические трудности при выведении термина *Русь* < *Ruotsi* из **rôþ(e)R* С. Экбу пытался решить указанием на подобное развитие (от обозначения деятельности к названию группы лиц, занимающихся этой деятельностью) «во многих языках»: в частности швед. *ledning* и англ. *direction* означает 'управление' и 'коллектив управленцев'. Точно так же швед. *rodd* якобы означало 'гребля' и 'гребцы' (однако примеров такого словоупотребления Экбу почему-то не приводит)¹⁰. Действительно, во многих языках имя, обозначающее деятельность, переносится на группу занятых ею людей (в параллель англ. *direction* можно привести рус. *правление, совет, дума* как

¹⁰ Ekbo S. The Etymology... P. 145.

действие и как административный орган) — однако *Русь* будет первым (и, видимо, последним) случаем, когда имя, обозначающее род занятий, превращено в этноним. Отсутствие типологических параллелей делает эту гипотезу чрезвычайно уязвимой для критики.

Следует также иметь в виду, что слово *Русь* в древнескандинавском не могло обозначать и какой-либо социальный коллектив, поскольку в этом случае ожидалось бы оформление данного слова посредством суффикса принадлежности *-ing-* (как в др.-сканд. *væringjar* 'варяги', *kylfingar* 'колбяги')¹¹ — однако в слове *Русь* данный суффикс как раз отсутствует.

Что же касается финского слова, то оно до сих пор не имеет надежной этимологии (**rôp(e)R*, как мы видели, таковой не является) и, следовательно, перед нами типичный случай определения одного неизвестного (**rôp(e)R*) через другое (*Ruotsi*). В лингвистике, как и в математике, подобные доказательства не имеют силы¹².

Если фин. *Ruotsi* до сих пор остается лингвистической загадкой для германистов, то имя *Русь*, наоборот, легко выводится из финского слова. Происхождение слова *Русь* из *Ruotsi* объясняют упрощением консонантной группы *ts > s*. Действительно, в праславянский период консонантные группы *ts, ds, ps, bs* упрощались в *s* — ср. сигматический аорист 1 л. ед. ч. **чисъ, вѣсь** < *čitson, vĕdson*¹³, а также происхождение др.-рус. **весь** 'вепсы, финский народ в окрестностях Белого озера' из фин. *Väpsi*. В пользу происхождения *Русь* из *Ruotsi* свидетельствует, как будто, и соответствие фин. *uo/рус. у, ср. заимствования из русского в финский язык:*

¹¹ *Andersson Th.* *Kylfingar // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde* von Johannes Hoops / Hrsg. von H. Beck, D. Geuenich, H. Steuer. Bd. 17. Berlin; New York, 2001. S. 521.

¹² Ср. взвешенную формулировку А.В. Назаренко: «тезис о происхождении *Rus'* из скандинавского языка вероятен, но лингвистически уязвим» (*Nasarenko A.* *Rus' // Lexikon des Mittelalters*. Bd. VII. 1995. S. 1112).

¹³ *Schramm G.* Die Herkunft des Namens *Rus'*: Kritik des Forschungsstandes // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 30 (1982). S. 19–20; *Falk K.-O.* Einige Bemerkungen... S. 151; ср. *Селищев А.М.* Старославянский язык. Часть I. Введение. Фонетика. М., 1951. С. 216.

гумно > kuotina, лужа > luoso и др.¹⁴, а также заимствование из финского в древнерусский — **сумь** 'финны' < *Suomi*.

Впрочем, это лингвистически безукоризненное решение наталкивается на проблемы историко-географического характера. Так, в рамках «скандинавской» гипотезы пока не получило объяснения то странное обстоятельство, что восточные славяне, имевшие непосредственные контакты со скандинавами, почему-то заимствовали основу **rôds-* опосредованно, через финнов. «Скандинавская» гипотеза оставляет без ответа вопрос, почему древнейшие варианты названия Руси в немецких источниках начиная с IX в. (*Ruzara, Ruzzi, Ruzi*), во-первых, происходят из Баварии (т.е. с юга Германии), а во-вторых, как показывает наличие в корне *u*, заимствованы из славянского (древнерусского) языка, хотя более естественным было бы заимствование данного слова на севере Германии непосредственно из древнешведского (но тогда с корневым *o*, как в **rôps*). Между тем нижненемецкие (северные) варианты названия (*Ruci, Rusci*) вторичны по отношению к верхненемецким (южным)¹⁵. Аналогично скандинавские наименования Руси *Russar (Ruzzar), Rusia, Ruciland* происходят не из древнешведских, а из континентальных европейских источников¹⁶.

В рамках скандинавской этимологии *русци* не находит удовлетворительного решения вопросы, поставленные еще С. А. Гедеоновым в его классическом (и в некоторых частях до сих пор актуальном) труде «Варяги и Русь»: если восточные славяне IX в. называли скандинавских шведов именем *Русь*, то почему в IX в. скандинавы вдруг перестали так называться, а имя *Русь* было усвоено только тем из них, кто

¹⁴ *Kalima J.* Die slavischen Lehnwörter im Ostseefinnischen. Berlin, 1955. S. 42; *Falk K.-O.* Einige Bemerkungen... S. 150.

¹⁵ *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 42, 55, прим. 7, 83, прим. 38; *он же.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 31, 49–50.

¹⁶ *Успенский Ф.Б.* Византия и Русь в древнескандинавских источниках (на материале языковых данных) // *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. М., 2002. С. 201, прим. 15.

осел на землях восточных славян?¹⁷ Если слово *Русь* происходит из древнешведского языка и распространялось с севера на юг, то почему название *Русская земля* первоначально относилось только к землям Среднего Поднепровья (Киев, Чернигов, Переяславль), а не к Новгороду, Пскову, Ладоге? Как известно из ПВЛ, варяги были призваны именно в эти северные края (около 862 г.), и лишь затем осели в Киеве (не позднее 882 г.).

Наконец, известно, что гипотетическое зап.-фин. **rôtsi* имеет продолжения практически во всех языках финской группы — саамском (в северной Норвегии — *ruoššâ*), коми-зырянском (*rot's*), удмуртском (*džwts*), остякском (*rutš, ruč*), вогульском (*rôš, ruš*), ненецких диалектах (*lūca, lūsa, luca, lusa, l'časa, l'uoč'a*); а кроме того в тунгусском и бурятском (*lūca*), юкагирском (*tuši, tuci*) и др. Любопытно, что во всех этих языках соответствующий термин означает не 'шведы', а 'восточные славяне, русские'¹⁸. На карте, указывающей распространение данного термина в финно-угорском ареале, ясно видно, что «германская» семантика представлена в центре финского ареала (территории чуди, веси, суми — т.е. западнофинских народов) и окружена по периметру изосемой со «славянской» семантикой (территории саамов, славян, волжских и пермских народов)¹⁹. Укажем в этой связи на многократно доказавший свою справедливость закон лексического (и шире, языкового) развития, гласящий, что в

¹⁷ Геденов С. Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч. I–II. СПб., 1876 (переизд. под ред. и с комм. М.М. Фомина: М., 2004; цитируется по этому изданию). С. 291: «Почему славяне, издавна знающие шведов под их финским названием русь (*Ruotsi*), перестают называть их этим именем после призвания; еще непонятнее, почему имя руси для шведов прекращается у славян, когда сами шведы зовут себя русью; почему генетическое шведское русь не встречается как народное или племенное ни в одном из туземных шведских памятников, ни в одной из германо-латинских летописей, так много и так часто говорящих о шведах и о норманнах; почему, наконец, шведская русь не именует русью своей словено-русской колонии». Вопросы Геденова остались без ответа — именно поэтому спустя 100 лет Х. Ловмянский был вынужден повторить их снова, ср.: *Ловмянский Х. Русь и норманны*. М., 1985. С. 181.

¹⁸ Falk K.-O. Einige Bemerkungen... S. 152–155; другие примеры см. в работе: Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003. С. 514–515.

¹⁹ Falk K.-O. Einige Bemerkungen... S. 154.

центре языкового ареала проявляются инновации, а на периферии консервируются архаичные языковые черты²⁰. В свете данного закона именно периферийную (т.е. «славянскую») семантику финских продолжений следует считать наиболее архаичной, а термины с «германской» семантикой, занимающие центральный ареал, тем самым оказываются вторичными. Действительно, разве не могли финны достаточно рано, еще до упрощения консонантных групп в праславянском заимствовать у какой-то ветви восточных славян слово *Русь* (точнее, его праформу **roud-si-*), а затем, в эпоху варяжской экспансии в славянские земли, перенести его на шведов²¹? С точки зрения исторической лингвистики это вполне возможно — правда, придется признать такое заимствование в очень ранний период, примерно в VII–VIII вв., когда о славянской *русси*, как будто, ничего не известно. Однако мы имеем, с одной стороны, сообщение сирийского автора середины VI в. Псевдо-Захарии о народе *Hros/Hrus* в северном Причерноморье (см. ниже), а с другой — распределение праосновы **rôtsi* по финно-угорским языкам, которое свидетельствует именно о первичности «славянского» значения. Картина распределения этнонима по диалектам усложняется еще больше, если учесть наличие термина *ruottši* в олонечском и карельском (т.е. также в центре ареала

²⁰ См. Трубочев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. I. М., 2004. С. 103, 142, 176, 232, 237, 462, 476 и др. (там же другая литература). Принцип архаичности периферии хорошо демонстрируется в этнонимии — так, древнее самоназвание славян сохранилось на периферии славянства у словенцев и словаков (в прошлом ближайших соседей) и древненовгородских словен; соответствия этнокону *галичане* также характерны для европейской периферии (галлы, галы — коренные жители Уэльса, испанские галисийцы), ср.: Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси. М., 1995. С. 20–21.

²¹ Иными словами, шведы, пришедшие к финнам со стороны славян (русси), могли получить имя последних — так же, как восточные славяне, осевшие к югу от Литвы, получили литовское название южного народа «готы» (*Gudai* — лит. 'белорусы'); как в Византии тюрки, скандинавы и славяне, приходившие со стороны северного Причерноморья, назывались «скифы». По той же причине восточные славяне в скандинавских источниках могли именоваться «греками» (*girzkr*), ср.: Успенский Ф.Б. Византия и Русь в древнескандинавских источниках... С. 187–188.

ла) в значении 'финны', 'Финляндия'²². С тем, что это значение представляет собой семантическую инновацию, кажется, спорить невозможно. Но чем тогда отличается занимающая центральный ареал изосема *Ruotsi* 'шведы' от географически смежной с нею изосемы *ruottši* 'финны'? Следовательно, вопрос можно сформулировать следующим образом: если продолжения праформы *rōtsi в финноугорских языках имеют семантику 'шведы', 'финны' и 'русские', то какое из этих значений древнейшее? Историки и археологи «скандинавского» направления полагают (правда, не приводя доказательств), что первично значение 'шведы', тогда как лингвистическая методология дает однозначный вывод — первично периферийное значение 'русские', а 'шведы' и 'финны', представленные в центре западно-финского ареала должны рассматриваться как позднейшие инновации.

Поскольку «скандинавская» гипотеза, лишенная лингвистической (и, как увидим ниже, серьезной источниковедческой) базы, не дает удовлетворительного ответа на все эти вопросы, «северная» этимология этнонима *Русь* остается не более чем догадкой — причем прямых лингвистических аргументов в ее пользу нет, а косвенные нейтрализуются таким же (или даже бóльшим) количеством контраргументов²³.

Сторонники «скандинавской» гипотезы ссылаются и на данные исторических источников — прежде всего на свидетельство Бертинских анналов (под 839 г.), многочисленные сообщения ПВЛ (в том числе тексты договоров Руси с Византией), а также на ряд мест из трактата Константина Багрянородного (913–959) «Об управлении империей». Здесь не место подробно излагать историю полемики вокруг эпизода Бертинских анналов о приходе в Ингельхайм в 839 г. посольства из Византии, в составе которого были «свеоны», называвшие свой народ «Рос» (*Rhos*) а своего правителя — «хакан». Вполне удовлетворительное толкование данного эпизода, из которого следует, что франки в первой половине IX в. не знали никакой шведской Руси, дано уже у Г. Эвер-

²² Falk K.-O. Einige Bemerkungen... S. 154.

²³ Аргументы против «скандинавской» гипотезы со стороны археологии см. в работе: Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 60–67.

са²⁴ и С. А. Геденова²⁵, и с тех пор ничего принципиально нового на эту тему не появилось²⁶.

Что касается ПВЛ, то дошедшие до нас редакции сообщают о *руси* как о пришлом военном коллективе, члены которого были носителями скандинавского (древнешведского) языка. В самом деле, имена первых русских князей, а также имена военной знати, отраженные в договорах Руси с греками, имеют бесспорно германский (скандинавский) характер. Соответственно, оставаясь в рамках научной корректности, можно лишь сказать, что часть раннедревнерусской правящей элиты была германо-скандинавской по происхождению. Из этого, однако, не следует, что этимология термина *Русь* также германская — ведь национальность носителя и этимология его имени не всегда идентичны. Так, у русских бывают славянские имена, но чаще встречаются греческие. Точно так же обстоит дело и с именами народов — например, завоевавшие Британию в XI в. норманны (слово германского происхождения) говорили на романском (старофранцузском) языке; жители Великобритании, говорящие на языке германской группы, унаследовали имя «британцы» от бриттов — народа кельтского происхождения; славянский народ болгары возводит свое самоназвание к тюркскому источнику; романский народ французы называется именем германского происхождения и т.п. Когда скандинавы, переселившиеся в Новгород и Киев, усвоили себе имя *Русь*, также неясно (возможно, Бертинские анналы под 839 г. отразили начальный этап этого процесса). Во всяком случае, два упоминания о собственно шведской, заморской Руси в источниках (точнее, только в одном источнике — ПВЛ по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам) весьма сомнительны, поскольку в версии Начального летописного свода, сохранный в Новгородской I летописи, эти

²⁴ Эверс Г. Предварительные критические исследования для Российской истории. М., 1826. С. 116–117.

²⁵ Геденов С. Варяги и Русь. С. 337–349.

²⁶ Обзоры различных точек зрения на проблему даны в работах: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 36–46; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 37–46.

упоминания заморской Руси отсутствуют²⁷ — наоборот, почти во всех случаях в связи со Скандинавией речь идет о «варягах», а не о «Руси». Лишь в одном случае Новгородская I летопись следует тексту южных редакций ПВЛ: *и от тех варягъ, находникъ техъ, прозвашиа Русь*.²⁸ Объяснение летописцем XII в. имени *Русь* следует безусловно учитывать, однако следует ли ему безусловно доверять — большой вопрос.

Для обоснования «скандинавской» гипотезы привлекалась и так называемая «Таблица народов», помещенная в интереснейшем средневековом памятнике — еврейском хронографе X в. «Иосиппон». Здесь народ *Руси* причисляется к числу германских народов — потомков Иафета и фигурирует рядом с англами (*Энглеси*) и саксами (*Саксани*). Однако парадоксальным образом местом жительства русов называется не Скандинавия, а «река Кива», отождествляемая с Днепром и Киевом²⁹. Следовательно, данные «Иосиппона» свидетельствуют только об этническом родстве «ру-

²⁷ Ср. ПСРЛ. Т. I. С. 19: *и идоша (по вар.) за море к Варягомъ к Руси, и далее — поюшиа по собе всю Русь и придоша... Рюрикъ... Синесусь... Труворъ*. В Новгородской I летописи (Комиссионный список) вместо этих фраз находим: *идоша за море к Варягомъ и поюшиа со собою дружину многу и предивну и приидоша к Новгороду* (ПСРЛ III. С. 106). Как видим, *Русь* ни в том, ни в другом случае не упомянута, и это нельзя объяснить вмешательством позднего редактора, поскольку для исключения Руси из летописи ни в эпоху Нестора, ни после него не было никаких оснований. Следует вместе с А.А. Шахматовым считать первичными именно чтения Новгородской I летописи. Подробный текстологический комментарий к указанным местам ПВЛ на основе работ Шахматова см. в работе: Ловмянский Х. *Норманны и Русь*. С. 168–176. Выводы Шахматова и Ловмянского о вторичности несторовской версии (по южнорусским спискам ПВЛ) по сравнению с версией ПВЛ, отраженной в Новгородской I летописи, пытались поставить под сомнение на том основании, что «тексты о начале руси подверглись в Новгородской I летописи определенной деформации», ср.: Петрухин В.Я., Раевский Д.С. *Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье*. М., 2004. С. 256–260. Из аргументации авторов следует, что сохранившийся в ПВЛ текст Начального свода подвергся в Новгороде редактированию — однако мотивы, побудившие новгородского редактора исключить из эпизода о призвании варягов пассаж о заморской Руси (если он вообще был в Начальном своде), остались без объяснения.

²⁸ ПСРЛ III. С. 106.

²⁹ Петрухин В.Я. *Начало этнокультурной истории Руси*. С. 38.

сов» с германскими народами (т.е. подтверждают данные ПВЛ о варягах-руси), но не дают ничего нового о происхождении самого названия. Прямо выраженная в «Иосиппоне» связь «русов» не со Скандинавией, а с Киевской землей если не опровергает, то и не подтверждает «северную» этимологию этнонима *Русь*.

Сложнее обстоит дело с данными, которые приводит Константин Багрянородный — автор трактата «Об управлении империей» (*De administrando imperio*, далее — ДАИ³⁰). В этом трактате, написанном в середине X в., упоминаются названия днепровских порогов, причем они даются в двух вариантах — «по-росски» (ῥωσιῶτι) и «по-славянски» (σκλαβηνιωτι). В подавляющем большинстве случаев названия одного и того же порога различны — так например, второй по счету порог называется «по-росски» *Улворси*, а «по-славянски» *Островунипрах*, «что означает Островок порога»; третий порог называется *Геландри*, что означает «по-славянски Шум порога»; четвертый порог называется «по-росски» *Аифор*, а «по-славянски» *Неасит*; пятый порог — «по-росски» *Варуфорос*, «по-славянски» *Вулнипрах*; шестой порог — «по-росски» *Леанди*, «по-славянски» *Веручи* («Кипение воды»); седьмой порог — «по-росски» *Струкун*, «по-славянски» *Напрези* («что переводится Малый порог»)³¹.

Мы не случайно опустили в этом ряду упоминание в ДАИ первого днепровского порога, поскольку это место, в отличие от последующих, демонстрирует полное тождество «росского» и «славянского» языков: название порога *Эсупи* «означает по-росски и по-славянски *Не спи*» (там же)³².

³⁰ В дальнейшем ссылки даются на издание: Константин Багрянородный. *Об управлении империей*. Текст, перевод, комментарий / Под ред. чл.-корр. АН СССР Г.Г. Литаврина и чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. М., 1991 (изд. второе, исправленное).

³¹ Константин Багрянородный. *Об управлении империей*. С. 47, 49; ср.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельникова. М., 2000. С. 97–98.

³² Ср. интерпретацию данного названия в работе: Loma A. *Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantinos Porphyrogenetos // Сборник радова Византолошког института* 38 (1999/2000). С. 95. Ввиду полной ясности данного сообщения Константина, нельзя согласиться с комментарием к ДАИ 1991 г.: «грамматическая форма и структура названия первого порога неясны» (С. 320).

Итак, во-первых, следует признать, что Константин Багрянородный имел не очень ясное представление о «росском» языке, поскольку сообщает о нем противоречивые сведения — то это язык, совершенно отличный от «славянского» (как в названиях порогов со второго по шестой), то родственный ему. В сочинении Константина не только первый, но и, возможно, седьмой порог обязан своим «росским» названием не древнескандинавскому, а славянскому языку. «Росское» название седьмого порога *Струкун* не имеет убедительной германской этимологии, а предложенную в качестве исходной древнеисландскую (!) форму дат. п. (!) мн. ч. *strokum* от *strok* 'теснина'³³ едва ли можно рассматривать всерьез. Греческая форма *Στρούκουν*, как представляется, вполне убедительно возводится к славянскому помен *agentis* *strǫgunь от глагола *strǫgati* 'строгать, снимать стружку' (ср. *bǫgunь* от *bǫgati*, *igrunь* от *igrati* и т.п.). Эта (пока исключительно гипотетическая) этимология, по крайней мере, дает названию порога *Strǫgunь* вполне прозрачную мотивировку — 'обдиратель (днища лодки-однодеревки)'. Передача славянского редуцированного звука *ъ* греч. *ou* не противоречит данному объяснению, поскольку именно такое соответствие *ou/ъ(ь)* неоднократно зафиксировано в ДАИ: ср. *Островунипрах* (слав. *ostrovъnyj pragъ* 'Островной порог'), *Вулнипрах* (слав. *vъlnъnyj pragъ* 'Волновой порог')³⁴. Вторая особенность этого «росского» названия — передача славянского *g* в *Strǫgunь* греческим *κ* — также имеет аналоги в деловой письменности Византии: так, славянские топонимы *Гвоздь*, *Горица*, *Горьница*, *Горьнии Лугъ* (и др.) отмечены в документах византийской провинциальной администрации в виде (соответственно) *Κοβόσδα* (*Καβόσδα*), *Καρήτζα*, *Κόρνιτζα*, *Κορνίλουγος* и т.п.³⁵ Из данного объяснения выте-

³³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 325–326.

³⁴ Такое же соответствие отмечено в болгарской топонимии, упоминаемой византийскими источниками: *Βουρσίνα* — *Вършина*, *Γούβικον* — *Гърбъкъ > *Гърбъць*, *Ροτόυν* — *Рътънь*, ср.: Георгиев В. Най-старите славянски имена на Балканския полуостров и тяхното значение за нашия език и нашата история // *Български език* 8 (1958). № 4–5. С. 326, 329.

³⁵ Георгиев В. Най-старите славянски имена... С. 327; Тасева Л. Българска топонимия от гръцки и сръбски средновековни документи. София, 1998. С. 176 и passim.

кает, что у седьмого порога было два славянских названия, одно из которых Константин выдает за «росское», а другое — за «славянское», причем именно «росскому» названию «Обдиратель» (т.е. 'мелководный' — *Strǫgunь) лучше всего соответствует перевод «Малый (т.е. мелкий, скудный водой) порог».

Во-вторых, название третьего порога *Геландри* не может быть славянским, вопреки утверждению Константина, и уж тем более оно не может означать «по-славянски Шум порога» — скорее, это передача германского причастия на *-andi* (ср. др.-швед. *goellandi* 'громко звучащий'), как и в названии шестого порога *Леанди*³⁶.

В-третьих, славянское название седьмого порога *Напрези* (*Ναπρεζή*) не может означать «Малый порог» (скорее, оно этимологизируется как ю.-слав. *naprěždь* 'вперед'³⁷ — возможно, как побудительный возглас при проходе порога, ср. выше название порога «Не спи»). Мнение К.-О. Фалька о том, что в названии *Ναπρεζή* отражено слав. *nabrěžje 'набережье'³⁸ или *nastrěžьje 'порог на стрежне'³⁹ неосновательно, поскольку ни *nabrěžьje* (*naberěžьje*), ни *nastrěžьje* не зафиксированы в древнерусском языке (отсутствуют во всех древнерусских словарях) и представляют собой явно искусственные (ре)конструкции. Гипотеза Эблума об исходной славянской форме *na strěži* 'на стрежне' также неубедительна, поскольку последний вслед за Фальком вынужден прибегать к излишним допущениям и постулировать в данном месте порчу первоначального *Ναπρεζή*. Как представляется, возможности для интерпретации греческого названия без обращения к конъектурам далеко не исчерпаны — так, помимо предложенного *naprěždь* (которое, впрочем, не объясняет окончательного ударения в *Ναπρεζή*) можно поразмышлять еще об одной славянской форме — побудительном возгласе *naprědzi* 'напряги!' (о силах, веслах и т.п.), ко-

³⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 320, 323; ср. Толкачев А.И. О названии днепровских порогов. С. 36.

³⁷ Ср. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Т. 10. С. 197.

³⁸ Толкачев А.И. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio» (в связи с работой К.-О. Фалька на ту же тему) // *Историческая грамматика и лексикология русского языка.* М., 1962. С. 30.

³⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 326.

торый при транслитерации греческими буквами дает фонетически и акцентологически безупречное Ναπροεζή .

Из приведенных примеров становится вполне очевидным, что Константин плохо отличает «росский» и «славянский» языки друг от друга, поскольку не «все», как иногда утверждается, а лишь пять «росских» названий порогов (со второго по шестой) «наиболее удовлетворительно этимологизируются из древнескандинавского или древнешведского»⁴⁰.

Представляет интерес вопрос о том, что имел в виду Константин под «славянским» языком. Воспроизводимые им названия порогов заставляют думать, что «славянский» язык мог быть языком южнославянским — скорее всего, одним из болгарских или македонских диалектов. Об этом свидетельствуют южнославянские неполногласные формы — *Напрези* (из ю.-слав. *naprěždь?*), *Островунипрах* (слав. *ostrovъnyj pragъ* 'Островной порог')⁴¹, *Вулнупрах* (слав. *vъlnъnyj pragъ* 'Волновой порог'). Следовательно, информатором Константина о названиях этих порогов был, вероятно, южный славянин. Однако нельзя исключать и того, что информация исходила от выходца из западнославянских земель, поскольку неполногласие южного типа свойственно также чешским и словацким диалектам.

Передачу славянского *g* в слове *prag(ъ)* греческим фрикативным χ А. И. Толкачев остроумно объяснял фрикативизацией фонемы γ в греческом языке и оглушением ее в конце слова⁴². Однако из этого объяснения остается неясным, почему в греческой форме отсутствуют следы конечного редуцированного γ . Важно отметить, что фрикативный h на месте праславянского смычного *g* характеризовал уже во время Константина как восточнославянские (будущие украинские) говоры, так и западнославянский мораво-паннонский диалект⁴³. Не случайным представляется и отсутствие в форме πραχ следов слабого редуцированного γ в аудите (феномен, не получивший убедительного объяснения на материале восточнославянских и южнославянских языков,

⁴⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 319.

⁴¹ Толкачев А.И. О названии днепровских порогов. С. 49–50.

⁴² Толкачев А.И. О названии днепровских порогов. С. 57.

⁴³ Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А. Чешский язык. М., 1990. С. 58.

сохранявших редуцированные вплоть до конца XI в.)⁴⁴. До сих пор, кажется, не рассматривалась возможность западного происхождения формы πραχ — между тем именно в паннонском диалекте, как показывают древнейшие заимствования из славянского в венгерский язык, редуцированных не было уже к середине X в.⁴⁵ Конечный редуцированный отсутствует также в передаче славянского названия четвертого порога: Νεχοίτη (DAI 9.46).

Далее, название порога *Напрези* (если возводить его к *naprěždь*) в порядке гипотезы можно объяснять западнославянским отражением праславянского сочетания $*dj$ как $[z']$ — ср. формы типа *дазь*, *розьство* вместо *даждь*, *рождьство* в современных Константину мораво-паннонских переводах с латыни и греческого⁴⁶.

Название порога *Веруци* — Βερούτζη (некорректно переводимое как 'кипящий' — ср. ниже) объяснимо из восточнославянской разновидности праславянского языка — передача посредством греч. $\tau\zeta$ древнерусской аффрикаты $[ч']$ (из прасл. $*tj$) вполне вероятна, поскольку в DAI именно так передано $[ч']$ в топониме Βιτετζέβη (*Витичев* — 9.20) и в названии печенегов (οί Πατζιβακίται) (*passim*), не говоря уже о том, что до сего дня греческая графика именно так передает $[ч]$ в заимствованиях из турецкого. Ради полноты картины отметим, что греч. $\tau\zeta$ могло передавать также мягкую славянскую аффрикату $[ц']$ — ср. древнее название Софии Τριάδιτσα (Триадица) и другие греческие топонимы со славянским суф. *-ica*. Если удастся доказать, что греч. Βερούτζη передает «цокающую» форму *вьруци* с $[ц']$, то можно предполагать, что информатор Константина происходил из Новгородского региона с его цокающим диалектом. Форма

⁴⁴ Толкачев А.И. О названии днепровских порогов. С. 57.

⁴⁵ Ср. Хелимский Е.А. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 349, 354; Richards R.O. The Pannonian Slavic Dialect of the Common Slavic Proto-Language: The View from Old Hungarian // UCLA Indo-European Studies. Vol. 2. Los Angeles, 2003. P. 52.

⁴⁶ Ср.: Львов А.С. Старославянские ништь — *очвогъ* — *невогъ* — *вѣднъ* — *маломошь* // Slovo 25–26 (1976). S. 162; Вечерка Р. Письменность Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 178.

причастия женского рода *върици* 'кипящая' предполагает эллипсис последующего *voda* — ср. перевод этого названия в DAI: βράσιμα νερού 'кипение воды' (9.62)⁴⁷.

Таким образом, языковой анализ названий порогов свидетельствует, во-первых, о том, что «славянские» и «росские» названия не всегда идентичны семантически (ср. названия четвертого, шестого и седьмого порогов), а значит возникли независимо друг от друга, и, во-вторых, о том, что информаторы-славяне происходили из разных регионов — это могли быть уроженцы как южных и/или западных, так и восточных славянских земель. Кем бы ни были эти славянские информаторы, сообщенные ими данные не всегда корректны (возможно, они претерпели в дальнейшем порчу) — так, явно ошибочно толкование слова *Напрези* как «Малый порог». Точно так же ошибочны некоторые толкования «росских» названий (см. выше), поступавшие от скандинавских (варяжских) информаторов. Следовательно, в ходе создания DAI (или даже раньше) названия порогов подверглись определенному искажению.

Ошибки, сделанные авторами (редакторами) DAI при объяснении названий порогов, показывают, что к середине X в. «росский» язык, первоначально отличный от «славянского», уже начал отождествляться с последним. Это смешение могло происходить только параллельно с этнической ассимиляцией варягов, которая завершилась не позднее конца XI в. Именно тогда летописец мог с полным правом сказать: *Словеньский языкъ* (т.е. народ) *и Руский одно есть*» (ПСРЛ I. С. 28).

II

Представляется, что для решения вопроса об этимологии слова *Русь* важное значение имеет феномен так называемой «причерноморской Руси», о крещении которой общается в не зависимых друг от друга византийских источниках — окружном послании восточным архиереям (867 г.) и письме к архиеп. Боспорскому Антонию патриарха Фо-

⁴⁷ Название *Веруци* (уже в форме мужского рода) зафиксировано и в древнерусской топонимии — ср. многочисленные упоминания в ПВЛ и последующих летописях г. *Вручий*, *Вручей* (ПСРЛ I. С. 74, 418 и др.; ПСРЛ II. С. 62, 541, 543, 547 и др.; ныне это г. Овруч в Житомирской области Украины).

тия⁴⁸, а также в жизнеописаниях императоров Михаила III (842–867) и Василия I (867–886), составленных в ученом кружке Константина Багрянородного⁴⁹ и дошедших в составе сборника Продолжателя Феофана (последний сюжет перешел затем в хроники Иоанна Скилицы, Михаила Глики, «Сокращение историй» Иоанна Зонары и в одну малую хронику)⁵⁰. В жизнеописании Михаила III говорится:

«Потом набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Эвксинский предали огню и оцепили город... Впрочем, насытившись гневом Божиим, они вернулись домой — правивший тогда Церковью Фотий молил Бога об этом, — а вскоре прибыло от них посольство в царственный город, прося приобщить их Божьему крещению. Что и произошло»⁵¹. В данном сообщении примечательно, что росы характеризуются как «скифское племя» — иными словами, по мнению Константина Багрянородного (или его информатора), они происходят из северного Причерноморья.

Рассмотрим теперь эпизод из книги 5 «Продолжателя Феофана» (жизнеописание Василия I Македонянина), принадлежащей перу самого Константина Багрянородного⁵² (ключевые для дальнейших рассуждений места подчеркнуты нами).

«97. Щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых одежий он [имп. Василий] также склонил к соглашению непокорный и безбожный народ росов, заключил с ними мирные договоры, убедил приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять рукоположенного Патриархом Игнатием архиеписко-

⁴⁸ *Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia / Rec. V. Laourdas, G.L. Westerink. Leipzig, 1983. Bd. I.2. Lin. 293–305.* Подробнее см.: *Литавин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 51; *Бибинов М.В.* Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М., 2004. С. 413, 414; *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы, 2000 г. М., 2003. С. 17–84.

⁴⁹ См.: Продолжатель Феофана / Пер. Я.Н. Любарского. СПб., 1992. С. 220, 223.

⁵⁰ Ср. *Шрайнер П.* Miscellanea Byzantino-Russica // ВВ 52 (1991). С. 155. *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь... С. 122–149.

⁵¹ *Theoph. Cont.* P. 196.6–15; цит. по: Продолжатель Феофана. С. 84.

⁵² *Шрайнер П.* Miscellanea Byzantino-Russica... С. 155.

на, который, явившись в их страну, стал любезен народу таким деянием. Однажды князь этого племени собрал сходку из подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере. Позвали туда и иерея, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу божественного Евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому Завету о чудотворных Божьих деяниях. На это росы тут же ответили: Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трех отроках в печи, не поверим тебе (...) И попросили они бросить в разложенный ими костер саму книгу веры христианской, божественное и святое Евангелие, и если останется она неврежденной и неопаленной, то обратятся к Богу, им возглашаемому...»⁵³.

В примечании к переводу жизнеописания Василия I Я. Н. Любарский упоминает о двух возможных толкованиях этих сведений — как упоминания о Киевской Руси или же Руси причерноморской⁵⁴. Однако если ДАИ и жизнеописание Василия I вышли из круга Константина Багрянородного, то выглядит странным упоминание крещения Руси во втором из этих сочинений при полном отсутствии такого упоминания в первом. Эта странность, однако, находит свое вполне убедительное разрешение, если принять, что в двух сочинениях, имеющих отношение к Константину, речь идет о разной Руси. В ДАИ о крещении Руси не упомянуто потому, что там (в соответствии с замыслом всего труда) речь идет о крупном государственном образовании — Киевской Руси со столицей в Киеве (Κιοῦβα). В середине X в. эта Русь еще не была крещена. В «Жизнеописании Василия», наоборот, Русь не имеет признаков развитой государственности — там нет городов, нет даже столицы, сходку с народом и виднейшими вельможами князь собирает под открытым небом, а византийское посольство принимает в буквальном смысле «у костра»⁵⁵. Следовательно, сообщение Константи-

на Багрянородного о крещении Руси в жизнеописании Василия I относится к другой, не Киевской Руси. Эта другая Русь не имеет столицы — поэтому Константин говорит о посольстве не в «Киову», а «в их землю»: Эта другая, не Киевская, Русь могла быть только Русью причерноморской.

Рассмотрим данные других древнейших источников.

1) Прежде всего в связи с проблемой причерноморской Руси следует упомянуть об известной приписке от 555 г. в сирийской «Церковной истории», составленной по материалам греческой истории Захарии Ритора. В этой приписке, включенной в неоконченную двенадцатую главу седьмой книги, упоминается живущий по соседству с амазонками народ *Hros* (возможно также чтение *Hrus*) — великаны, не способные скакать на лошадях по причине невероятной длины конечностей⁵⁶. В научной дискуссии о данном этнониме были высказаны различные версии его происхождения: так, переводчики Псевдо-Захарии на немецкий язык К. Аренс и Г. Крюгер видели в этом слове передачу греч. ἦρωες 'герои'⁵⁷, Й. Маркварт — указание на германское племя герулов (отождествляемых им с «росомонами» Иордана)⁵⁸. А. П. Дьяконов возводил имя *Hros* к этнониму *Русь*⁵⁹. А. Тулин пытался обосновать наличие здесь прямой аллюзии на форму *roš* в ветхозаветном пророчестве Иезекииля (Иез. 38:2–3, 39:1)⁶⁰. Ключевое значение для решения проблемы имеет, на наш взгляд, давнее (но до сих пор не оце-

обмолвка о «зажженном ими (т.е. всеми присутствующими) огне» заставляет предполагать, что собрание происходило на открытом воздухе (возможно, под навесом).

⁵⁶ *Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta* / Ed. E.W. Brooks. Parisii, 1919–1924. Т. 1–2 (CSCO, Scriptorum Syri, Ser. III. Т. 5–6). Т. 1. Р. 215. Перевод на русский язык: Пугулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории. 1939, кн. 1. С. 114–115; она же. Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы. СПб., 2000. С. 568.

⁵⁷ Ahrens K., Krüger G. Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor. Leipzig, 1899. S. 253.

⁵⁸ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903. S. 361–384.

⁵⁹ Дьяконов А.П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестник древней истории. 1939. Кн. 4. С. 83–90.

⁶⁰ Thulin A. The Southern Origin of the Name Rus'. Some Remarks // Les pays du Nord et Byzance... (см. сн. 1). Р. 181–182.

⁵³ Продолжатель Феофана. С. 142–143, ср.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 104–105.

⁵⁴ Продолжатель Феофана. С. 309, прим. 223.

⁵⁵ Греческий текст не содержит указаний на место сходки — однако многочисленность присутствующих (народ и вельможи), а также

ненное по достоинству) наблюдение Н. В. Пигулевской, по мнению которой форма с *h* в анлауте свидетельствует о заимствовании этнонима *Hros/Hrus* в сирийский язык через армянское посредство⁶¹. Именно это обстоятельство препятствует видеть в форме *Hros* заимствованный из Иезекииля ветхозаветный грецизм, поскольку сирийские книжники не нуждались в армянском посредстве для заимствования терминов Септуагинты (напомним, что Септуагинта была известна на Ближнем Востоке задолго до VI в.). Напротив, при заимствовании *реально существующих* этнонимов через транскавказские маршруты, армянское посредство для сирийцев было неизбежным. Следовательно, арменизированная форма *Hros* сирийского источника служит важным доводом в пользу того, что данный этноним действительно относился к народу, жившему в Предкавказье или в северном Причерноморье⁶². При этом совершенно не имеет отношения к разбираемой теме вопрос о *достоверности* внешнего описания великанов из народа *Hros*, хотя в научной литературе эти две проблемы — достоверности этнонима и достоверности этнографического описания — нередко путают⁶³. Из сказанного следует, что старое мнение о тождестве *Hros* с приазовской Русью (А. П. Дьяконов) отнюдь не утратило своей актуальности⁶⁴. Серьезный исследователь будет также безусловно учитывать, что сообщение сирийского источника не стоит особняком в исторической традиции — оно подкрепляется упоминанием народа *ар-Рус* в книге персидского историка ас-Са'алиби (961–1038) и у хрониста XV в.

⁶¹ Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. С. 368.

⁶² Так, название «Кавказ» в географическом сочинении араба ал-Идриси (ок. 1100 — 1164 гг.) также заимствовано через иноязычное посредство — оно передается в форме *ал-Кабк* (из армянского *Капкох* или пехлевийского *Кафкох*), ср.: Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР, 1982 г. М., 1984. С. 209.

⁶³ Ср.: Thulin A. The Southern Origin... P. 178–180; Schramm G. Alt-rußlands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg i. Br., 2002. S. 89 и др.

⁶⁴ Ср.: Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. С. 369.

Захир ад-дина Мар'аши⁶⁵ в связи с событиями VI в.⁶⁶ Отметим также, что в труде арабского историка ат-Табари (838–923 гг.) в обработке Мухаммеда Бал'ами (963 г.) в числе врагов правителя Дербента Шахрийара дважды упомянуты русы. Контекст относится к середине VII в.⁶⁷ Таким образом очевидно, что вопрос о народе *Hros/Hrus* отнюдь не связан с библейской экзегезой (*roš*) и не сводится к проблеме фантастической длины конечностей у сказочных людей-великанов, соседствующих с мифическими амазонками. С другой стороны, сообщение Псевдо-Захарии хорошо согласуется с более поздними арабскими источниками, в которых о русах и славянах говорится, что они «высокого роста», «но на коне смелости не проявляют», «рабочего скота у них совсем немного, а лошадей нет ни у кого» (Ибн Русте), «они народ сильный и могучий...», «если бы у них были лошади..., то они были бы страшнейшим бичом для человечества» (ал-Марвази)⁶⁸. Кажется не случайным, что и современник

⁶⁵ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 362–363; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 203. Этноним *rosaye* в толковании Ефрема Сирина (IV в.) на кн. Бытия по рукописи VI в.: «Кетим есть отец росиев (*rosaye*)» А.П. Дьяконов справедливо рассматривает как интерпретацию ошибочного перевода Септуагинты «князь Рос» в книге Иезекииля, ср.: Дьяконов А.П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах. С. 87.

⁶⁶ Т.М. Калинина (устное сообщение) полагает, что сообщение ас-Са'алиби может представлять собой авторскую вставку и едва ли отражает реальность VI в., а труд Мар'аши вторичен и также не заслуживает доверия. Мы готовы признать, что надежность названных источников не безусловна (да и возможна ли полная надежность источника в условиях средневековья?). Однако мы не услышали от Т.М. Калининой доказательств того, что именно пассажи о русах в этих источниках недостоверны. Следовательно, остается вероятность того, что несмотря на относительно позднюю рукописную традицию, указанные авторы передают исторически верную информацию. Думаем, что мы вправе ожидать от наших арабистов, чтобы именно они в рамках своей компетенции на основе данных текстологии и рукописной традиции прояснили этот вопрос.

⁶⁷ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси... С. 364–365. Т.М. Калинина любезно обратила мое внимание на то обстоятельство, что в некоторых рукописях труда Бал'ами нет упоминания о русах, поэтому достоверность (или недостоверность) данного рассказа еще предстоит установить.

⁶⁸ Там же. С. 388, 398, 400.

Псевдо-Захарии Прокопий сообщает о «высоком росте» (εὐμήκεις) антов и склавинов, а также о том, что в битве большинство из них сражаются пешими (πεζῆ)⁶⁹.

2) В Житии патриарха Игнатия Никиты Давида (ок. 880 г.) говорится, что «так называемые Рос» — это «скифский народ» (τὸ ... τῶν Σκυθῶν ἔθνος)⁷⁰. Данное сообщение в принципе позволяет локализовать Рос в северном Причерноморье. Правда, верхние границы «скифской» области неясны — в глазах византийцев она вполне могла простираться едва ли не до Новгорода. Так, Константин Багрянородный, с одной стороны, причисляет к «скифским» народам Рос, а также живущих на юге хазар и турок (DAI 13.24–28), а в другом месте говорит, что Рос живут в «верховьях (εἰς τὰ ὑψηλότερα μέρη) реки Днепр», т.е. довольно далеко на севере (42.60–61)⁷¹.

3) В житии Георгия Амастридского, повествующем о нападении «Рос» на Амастриду ок. 842 г., автор прямо говорит о «древней таврической ксеноктонии» (убийстве иностранцев) и «принесении в жертву девушек», косвенно указывая таким образом на крымскую Таврику как ареал проживания пришлого народа⁷².

4) Византийский историк конца X в. Лев Диакон сообщает о требовании императора Иоанна Цимисхия к русскому князю Святославу, чтобы тот «удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору», т.е. к Керченскому проливу

⁶⁹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I: (I–VI вв.) / Отв. ред.: Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 184.

⁷⁰ Бибииков М.В. Byzantinorossica. С. 636.

⁷¹ Отметим, однако, что выражение DAI εἰς τὰ ὑψηλότερα μέρη может означать не только «верховья», но и Средний Днепр (Киев и окрестности), поскольку сравнительная степень прилагательного указывает лишь на более северное географическое расположение относительно названных ранее южных рек — прежде всего Южного Буга.

⁷² Бибииков М.В. Byzantinorossica. С. 636; ср. Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования. Вып. 2. Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Введение в греческие тексты с переводом. Славяно-русский текст. СПб., 1893 (перепеч.: Васильевский В.Г. Труды. Т. 3. СПб., 1915). С. CXLIX–CLI; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 24–32.

(VI.8)⁷³. Далее Цимисхий напоминает Святославу о том, что его отец, князь «Ингор», потерпев поражение под Константинополем, прибыл «к Киммерийскому Боспору едва лишь с десятком лодок». В качестве страны Святослава называется «Скифия» — т.е., в соответствии с античной традицией, северное Причерноморье⁷⁴. Лев Диакон постоянно именуется русов «скифами» и неоднократно — «тавроскифами» (гл. VI.8; VI.12; IX.6; IX.8 и др.)⁷⁵. Таким образом, этот историк систематически, а значит сознательно (возможно, с опорой на некую традицию) связывает славяно-германскую («русскую») дружину Игоря и Святослава не с Киевом или Новгородом, а с северным Причерноморьем. Данная традиция впоследствии была продолжена в трудах других византийских историков — от Михаила Пселла до Иоанна Киннама и Никифора Григоры⁷⁶.

⁷³ Лев Диакон. С. 56; ср.: Бибииков М.В. Byzantinorossica. С. 587. Наличие союза и (καί) указывает на то, что «области» Святослава лежали не только у Боспора, но и в близлежащих землях — очевидно, в Крыму (Таврике) и в низовьях Днепра (ср. ниже).

⁷⁴ Лев Диакон. С. 57; ср.: Бибииков М.В. Byzantinorossica. С. 588.

⁷⁵ Бибииков М.В. Byzantinorossica. С. 713–714.

⁷⁶ Не исключено, что эта традиция восходит еще ко временам славяно-аварского союза VII в. — ср. именование славян и аваров «тавроскифами» в Хронике Константина Манассии в рассказе об осаде Константинополя 626 г. (Бибииков М.В. Byzantinorossica. С. 715). Византийский историк Генесий в рассказе о заговоре против Феоктиста (855 г.) упоминает гвардейцев-скифов из Таврики — τοὺς ἐκ Ταυρικῆς καθ' ἑταρείααν Σκυθας (там же. С. 710). Об античных и византийских взглядах на низовья Днепра (Ахиллов бег) и Крым как места проживания тавроскифов см.: Карышковский П.О. Лев Диакон о Тмутараканской Руси // ВВ 17 (1960). С. 44–46 (там же о Руси-«дромитах», приходящих из местности «Ахиллов Бег» — ὁ Ἀχιλλεῖος δρόμος); Талис Д.А. Росы в Крыму // Сов. археология. 1974. № 3. С. 89–90. Мнение П.О. Карышковского о том, что сообщения Льва Диакона о Руси на Боспоре являются учеными спекуляциями на основе данных Геродота, Арриана, Иосифа Флавия, Феодорита Кирского, жития Василия Нового и др., а значит не отражают реальной этногеографии IX–X в. (Карышковский П.О. Ук. соч. С. 47–51), выглядит искусственным, поскольку ни в одном из названных Карышковским источников Льва Диакона Боспор Киммерийский (в связи или вне связи с народом Рос) прямо не упомянут, и поэтому неоднократное повторение Львом Диаконом этого названия в связи с Русью по-прежнему требует объяснения.

5) В комментариях (возможно, X в.) на стихи Григория Богослова, приписанных Косме Иерусалимскому (VIII в.), говорится о «готах», которые приходят во Фракию «на своих кораблях, которые называются *однодеревками* (μονόξυλοι)». Там же упоминается о том, что «Готия соседствует с фракийцами»⁷⁷. Самое интересное в сообщении Псевдо-Косьмы состоит в том, что пришельцы пользуются точно такими же *однодеревками*, как и «росы» Константина Багрянородного, а кроме того являются из северного Причерноморья, если не прямо из Крыма («Готия» в узком смысле). Ср. сообщение Феофана (со ссылкой на некоего патрикия Траяна) о том, что «готами» местное население называло скифов⁷⁸.

6) В византийских и западных источниках народ *Рос* начинает прямо связываться с германцами (франками — Φράγγοι) только с X в. (хроника Симеона Логофета, Ватиканский список Георгия Амартола, «Венецианская хроника» Иоанна Диакона)⁷⁹. Таким образом, столь важный для источниковедения хронологический приоритет первого упоминания принадлежит не «северной», а «южной» гипотезе о происхождении народа *Рос*.

7) Арабо-персидский писатель IX в. Ибн Хордадбе(х) (ок. 820 — ок. 912) в сочинении «Книга путей и стран» называет русских купцов «видом славян», которым в Багдаде служат переводчиками «славянские евнухи». Реку Дон Ибн Хордадбе(х) называет «рекой славян»⁸⁰. Сообщение Ибн

⁷⁷ Цит. по: Каждан А.П. Косьма Иерусалимский и поход Руси на Константинополь // ВВ 52 (1991). С. 149; ср. Бибииков М.В. Byzantinorossica. С. 551.

⁷⁸ Theophan. Chron. P. 66.2–3.

⁷⁹ Бибииков М.В. Byzantinorossica. С. 640, 726; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 290–291. Известие Лиудпранда Кремонского (сер. X в.) о «русиях»-норманнах не допускает однозначного толкования — в частности, Лиудпранд прямо не отождествляет «русиев» с германцами, а лишь говорит об их обитании на севере, вследствие чего их можно именовать по-немецки «нордманнами», т.е. «северными людьми» (Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 291).

⁸⁰ Kitab al-masālik wa-l-mamālik (Liber viarum et regnorum) auctore Ibn-Khordādhbeh cum versione gallica / Ed. M.I. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1889. (Bibliotheca geographicorum arabicorum; VI). P. 115; ср.: Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования. Вып. 2.

Хордадбе(х) подтверждается параллельным рассказом географа начала X в. Ибн ал-Факиха⁸¹. «Славянская река» (*Нахр ас-Сакалиба*)⁸² и славяне в северном Причерноморье упоминаются также у других арабских авторов IX–XI вв. — например, в рассказе ал-Белазури (IX в.) и ал-Куфи (X в.) о походе Марвана ибн Мухаммеда против хазар в 737 г.⁸³

В географическом трактате ал-Балхи (20-е годы X в.) и его обработке под названием «Книга путей и стран» ал-Истахри (ок. 950 г.) русы упомянуты между славянами, аланами и армянами, т.е. определенно в северном Причерноморье⁸⁴. В другом месте ал-Истахри говорит о русах, живущих между славянами и булгарами — это сообщение может трактоваться как указание на Киевскую землю⁸⁵. В анонимном источнике X в. (на персидском языке) *Худуд ал-Алам* («Пределы мира»), составленном на основе данных начала-середины IX в., при перечислении причерноморских народов (гл. XIII) русы локализируются между дунайскими болгарами и печенегами, т.е. в северном Причерноморье. В одном из источников *Худуд ал-Алам* — так называемой «Анонимной записке» — русы помещаются там же, где славяне и мадьяры, то есть южнее Карпат⁸⁶.

Черное (и даже Азовское) море арабские источники X в. называют «Русским морем» (*бахр ар-Рус*)⁸⁷. Эта традиция отразилась и в ПВЛ, ср.: **А Днѣпръ втечетъ в Понетъское море жереломъ, еже море словеть Руское.**⁸⁸

С. СХХVIII–СХХХII; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 206.

⁸¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 207.

⁸² Под «Славянской рекой» в арабских источниках можно понимать Дон, Волгу или некий гибрид того и другого.

⁸³ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси... С. 367–370 (и прим. 71); Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. С. 194; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 198–202.

⁸⁴ Мишин Д.Е. Географический свод «Худуд ал-алам» и его сведения о Восточной Европе // Славяноведение. 2000. № 2. С. 54.

⁸⁵ Там же. С. 59.

⁸⁶ Мишин Д.Е. Географический свод «Худуд ал-алам». С. 59–60.

⁸⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 190; Коновалова И.Г. Город Росия/Русийа в XII в. // Византийские очерки: Труды российских ученых к XX Международному конгрессу византинистов. СПб., 2001. С. 138.

⁸⁸ ПСРЛ I. С. 7.

В рассказе об арабских походах на Кавказ в середине IX в. ал-Иа'куби говорит о том, что местные горцы просили помощи у правителей Византии, Хазарии и «славян»⁸⁹. Логично предположить, что обращение было направлено к соседним народам, а не к дальним (например, в Киев), откуда помощь не могла прийти быстро. Следовательно, кавказские горцы IX в. имели в виду каких-то соседствующих с ними славян. Арабский автор X в. Ибн ан-Надим говорит уже о посольстве кавказских вождей не к «царю славян», а к «царю русов»⁹⁰.

Авторы X в. Ибн Хаукаль, ал-Истахри, анонимный автор упомянутого сочинения *Худуд ал-'Алам*⁹¹ пишут о «реке русов», под которой понимались, видимо, верховья реки «Атил» (верхняя и средняя Волга) или весь «Атил» (умозрительный гибрид Волги и Дона)⁹². Согласно известию *Худуд ал-'Алам*, восходящему к Ибн Хаукалю и ал-Истахри (а через них, вероятно, к ал-Балхи), на «реке русов» находились города *Куйаба* (Киев), *Сла.а* (Новгород) и *Артаб* (*Арса*)⁹³.

Все эти данные мы приводим для полноты картины, осознавая при этом, что они не имеют решающего значения для локализации первоначальной Руси, поскольку относятся ко времени не ранее второй половины IX в., когда на Днепре уже сложилось государство Русь с центром в Киеве, скандинавской военно-княжеской элитой и восточными славянами в качестве основного этнического элемента. Соответственно русско-славянские купцы Ибн Хордадбеха, как и «Русское» море, и «Славянская река» Дон/Волга или «Русская река» *Атил* в принципе не противоречат скандинавской этимологии *Руси* (которая должна быть древнее середины IX в.). Однако другие известия восточных

⁸⁹ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси... С. 371–372; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 202.

⁹⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 202.

⁹¹ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси... С. 373–374; Коновалова И.Г. Город Росия/Русийа в XII в. С. 137.

⁹² Современный исследователь Д.Е. Мишин склоняется (вслед за А.Г. Туманским и В.Ф. Минорским) к отождествлению «реки русов» с верхней Волгой или Окой, ср. Мишин Д.Е. Географический свод «Худуд ал-алам». С. 60.

⁹³ Новосельцев А.П. «Худуд ал-алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. 1986. № 5. С. 102.

писателей дают основания для того, чтобы усомниться в этой этимологии. Так, ал-Идриси сообщает о текущей с Кавказа реке *Русиййу*, а также о реке *Русийа* — речь идет, вероятно, об одной и той же «реке», «устье» которой, упомянутое у ал-Идриси, отождествляется в новейших исследованиях с Керченским проливом⁹⁴. Важное значение имеет упоминание в «Нузхат ал-муштак» ал-Идриси города *Русиййа*. Этот город, согласно ал-Идриси, находится в «27 милях» от *Матрахи* (= Таматарха, Тамань) и однозначно отождествляется с Керчью⁹⁵. Таким образом конкретная «русская» ономастика ал-Идриси в основном привязана к северному Причерноморью и даже специально к Керченскому проливу. Вообще ал-Идриси (как и многие другие восточные источники, включая книгу «Иосиппон») указывает достаточно широкий ареал проживания «русов» — так, северной границей Руси он считал «море мрака», т.е. Северный Ледовитый океан⁹⁶. Разумеется, труд ал-Идриси (середина XII в.) относится к числу относительно поздних источников, однако это не отменяет необходимости объяснения приведенных в нем данных с точки зрения исторической ономастики, тем более что данные ал-Идриси о городе *Росия* в районе Босфора Киммерийского подтверждают и византийские источники XI–XII вв.⁹⁷

8) В сочинениях восточных писателей, начиная с Ибн Хордадбеха и энциклопедии Ибн Русте (913 г.), появляются сообщения о так называемом «острове русов» (*ар-Русийа*). Согласно описаниям, нравы русов, живущих на этом остро-

⁹⁴ Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 173; она же. Город Росия/Русийа в XII в. С. 133–134.

⁹⁵ Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье. С. 209–210, 212; Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 169–171 и *passim*; она же. Город Росия/Русийа в XII в. С. 133–135.

⁹⁶ Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 144, ср. с. 107.

⁹⁷ Miklosich F., Müller I. Acta et diplomata graeca medii aevi. T. III. Vindobonae, 1865. P. 25, 35: печать Феофано Музалон, грамота Мануила I от 1169 г. о запрете генуэзцам входить в Тмутаракань и Росию, запрет подтвержден Исааком II Ангелом в 1192 г. Корень *ros-* встречается в топонимах Приазовья на каталонских и итальянских портоланах, начиная с XIII в. — ср. *fiume Rosso, Casale dei Rossi* (Талис Д.А. Росы в Крыму. С. 88).

ве, вполне соответствуют тому, что мы знаем о культуре Киевской и Новгородской Руси (включая лесистый и болотистый характер местности, торговлю мехами, нападения на окрестные народы, судебный поединок — поле, именование князя *хаканом*, влияние волхвов на князей, захоронения в домовинах и др.)⁹⁸. Однако в более поздних сочинениях XIII–XV вв. (Ибн Ийас, Ибн Са'ид, ад-Димашки) представлена иная версия, более напоминающая ранние византийские свидетельства о Руси-тавроскифах: здесь и локализация «русских островов» (вариант перевода — полуостровов) в Азовском море, и горы, окружающие землю русов (ср. Крымские горы), и обычай убивать иноземцев⁹⁹. Известие о ксеноктонии (восходящее к Ибн Хаукалю, X в.) содержится также в пассаже ал-Идриси о «виде русов» ал-Арсания¹⁰⁰. Разумеется, данные поздних источников следует принимать с осторожностью — однако нас в данном случае интересует не столько подлинность сообщаемых сведений и точная локализация «русского острова», сколько следы древней традиции, внезапно ожившей в трудах поздних арабских географов — традиции, свидетельствующей о тождестве «русов» Ибн Са'ида и Ибн Ийаса с «тавроскифскими» русами Льва Диакона и жития Георгия Амастридского¹⁰¹.

Наш обзор показал, что ранние византийские источники проводят знак равенства между народом *Рос* с одной стороны, и таврами, скифами, готами, славянами с другой. Древнейшие восточные авторы IX–X вв. — Ибн Хордабех и ал-Факих — также отождествляют русов и славян. Косвенное отождествление русов со славянами можно видеть в сообщении ал-Истахи в передаче ученого XIII в. Йакута о

⁹⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 208–210; ср. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений... Т. II. С. 78–81; Ловмянский Х. Норманны и Русь. С. 199.

⁹⁹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 208–210.

¹⁰⁰ Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье. С. 215.

¹⁰¹ По И.Г. Коноваловой, наличие двух различных традиций объясняется двумя путями поступления информации о русах к арабам: 1) Волго-Каспийский 2) Средиземноморский (через Черное море). Подробнее см.: Коновалова И.Г. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 169–189.

«верховой группе» русов, называемой *ас-Салавиййя* и в рассказе ал-Идриси о виде (*синф*) русов, живущих по соседству с Венгрией (*Ункариййя*) и Македонией (*Маказуниййя*) (т.е. к юго-западу от Карпат)¹⁰². Правда, другие восточные источники четко отличают русов от славян¹⁰³, однако причина этого состояла не в том, что «русы» были скандинавами (как нередко полагают). Из материала восточных источников следует, что под «славянами» понимались преимущественно южные и западные (дунайские) славяне (а также новгородские *словене*), а под «русами» — население Киевской земли. Иными словами различие между ними, актуальное для арабских ученых, было чисто географическим. Языковое и этническое родство «славян» и «русов» арабские географы, разумеется, не осознавали.

Приведенные данные византийских и восточных источников противоречат «скандинавской» гипотезе происхождения имени *Русь*. Представляется доказанным, что в рамках данной гипотезы многие древнейшие свидетельства о Руси не находят удовлетворительного истолкования. Резюмируем возражения против «скандинавской» гипотезы в виде списка:

1) Невозможность раннего заимствования др.-швед. **rôþs* в финские диалекты, поскольку форма **rôþs* для конца I тысячелетия в древнешведском не реконструируется (она становится фонетически возможной только в сложениях и только с XIV в.). Следовательно, даже если фин. *Ruotsi* было заимствовано от шведов, это не могло произойти ранее XIV в., когда этноним *русь* уже насчитывал как минимум пять веков письменной истории. Что касается возведения фин. *Ruotsi* к гипотетической праформе **rôþ(e)R* (С. Экбу), то эта последняя представляет собой очевидный продукт кабинетной этимологии — иными словами, лексический фантом, не оставивший следов ни в одном скандинавском языке.

¹⁰² Коновалова И.Г. Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII–XIV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1992–1993 гг. М., 1995. С. 145, 146. Между прочим сообщение ал-Идриси совпадает с известием «Анонимной записки» (*Худуд ал-'Алам*) о локализации русов южнее Карпат, в землях славян (ср. выше).

¹⁰³ Новосельцев А.П. «Худуд ал-алам» как источник о странах и народах Восточной Европы. С. 99–100.

2) Семантические трудности возведения этнонима *Русь* к др.-швед. **rôþ(e)R* (→ фин. *ruotsi*):

а) отсутствие типологических аналогий для семантического перехода 'занятие (или предмет)' → 'название народа'.

б) Наличие у фин. *ruotsi* 'шведы' (в центре финского ареала, в некоторых центральных диалектах также 'финны') периферийных соответствий со значением 'русские' (у саамов и пермских народов). Согласно языковому закону «инновационного центра», именно значения 'шведы' и 'финны' в центре ареала должны считаться поздними и вторичными, тогда как периферийное значение 'славяне, русские' — исконным.

3) Историко-географические трудности:

а) Отсутствие следов автохтонной *руси* в скандинавских письменных источниках (варианты этого названия *Russar* (*Ruzzar*), *Rusia*, *Ruciland* заимствованы с континента).

б) Заимствование немецких терминов *Ruzara*, *Ruzzi*, *Ruzi* из древнерусского (а не из древнескандинавского) языка.

в) Нелогичность заимствования славянами термина *Ruotsi* от финнов при наличии непосредственных славяно-скандинавских контактов.

г) «Русская земля» — название земель вокруг Киева, а не Новгорода и Ладоги.

4) Источниковедческие (в том числе хронологические) трудности:

а) Упоминание «заморской» (скандинавской) Руси в Лаврентьевской летописи 1377 г.: и *идоша* (по вар.) *за море к Варягомъ к Руси*, и далее — *пояша по собе всю Русь и придоша... Рюрикъ... Синеусъ... Труворъ* (ПСРЛ I. С. 19). В Новгородской I летописи, сохранившей более древнюю редакцию ПВЛ, эти фразы отсутствуют — следовательно, эти упоминания «заморской» Руси вторичны и внесены в ПВЛ позднее, вероятно, в конце XI в.

б) В сочинениях, вышедших из круга Константина Багрянородного (X в.), очевидным образом различаются *Россия* и земля *рос*: первая имеет столицу в Киеве и во времена Константина еще не крещена (трактат «Об управлении империей»), а вторая не имеет столицы, но уже в конце IX в. получила крещение из Византии (жизнеописание Михаила III и Василия I).

в) Многочисленные сообщения восточных источников о «русах» при почти полном незнакомстве авторов с Балтикой и Скандинавией.

г) Наличие по крайней мере трех восточных свидетельств о «русах», восходящих к VI в. — Псевдо-Захария Ритор (VI в.), в «Церковной истории» которого упомянут народ *Hros*, живущий в северном Причерноморье; арабские историки ас-Са'алиби, Захир ад-дин Мар'аши; отмечено также два упоминания *Руси*, относящиеся к VII в. (ат-Табари).

д) Таврический (севернопричерноморский) обычай убивать иностранцев и приносить в жертву богам дев приписывается «русам» в византийском Житии Георгия Амастридского (IX в.) и однозначно указывает на связь «руссов» с Крымом.

е) Русский князь Святослав в «Истории» византийского писателя X в. Льва Диакона — «тавроскиф» и выходец из северного Причерноморья (при этом, разумеется, речь должна идти не о самом князе, а о его предках).

ж) Именованье росов «франками» (т.е. германцами) в византийских источниках периферийно и относится к позднему времени (X в.) (и ряд других).

III

Спорность скандинавской этимологии названия *Русь* постоянно побуждала исследователей искать истоки этого слова в иных языковых и культурных традициях. Одной из наиболее оригинальных гипотез стала так называемая «индоарийская» этимология, которую обосновал крупнейший российский лингвист, основатель и главный редактор многолетнего «Этимологического словаря славянских языков» акад. РАН О. Н. Трубачев (1930–2002). Аргументы Трубачева, изложенные им в работе «К истокам Руси»¹⁰⁴, основаны на данных древних источников и на этимологии некоторых архаичных топонимов и гидронимов Крыма и Приазовья, которые он выводил из индоарийского праязыка. Одновременно гипотеза Трубачева предполагает переход древней

¹⁰⁴ Трубачев О.Н. К истокам Руси (Наблюдения лингвиста) // Он же. В поисках единства. М., 1997. С. 184–265 (данная статья переиздана также в 2004 и 2005 годах в сборниках статей О.Н. Трубачева).

индоарийской основы **ruks(i)-* на славянское население северного Причерноморья уже в исторический период (приазовская Русь).

Отправным пунктом этой гипотезы послужило известие византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского (Bell. Goth. VIII.4), который свидетельствует о многочисленных племенах антов к северу от Меотийского озера, т.е. в Приазовье¹⁰⁵. Между тем общепризнано, что анты были славянским племенем¹⁰⁶. Ср. также приведенные выше сообщения о «славянской реке» (Дон, Волга) в арабских географических сочинениях.

Лингвистические (точнее, лингвогеографические) аргументы О. Н. Трубачева в пользу славянского характера приазовской Руси можно свести в две группы. Во-первых, это древние следы славянской гидронимии в бассейне Дона, и во-вторых, названия с корнем *Рос-* в ономастике Крыма и Приазовья, установленные в работах Д. Л. Талиса¹⁰⁷. Примеры архаичной славянской ономастики Приазовья и Подонья, приводимые О. Н. Трубачевым: реки *Молошной Крек* (ср. рус. диал. *кряк*, *крек* 'лягушачья икра'), *Обиточная*, *Берда* (ср. карпат. диал. 'пропасть, яма'), *Калка*, *Боромля* (приток Дона), *Медведица* и *Непрядва* (притоки Дона), *Калитва*, *Плота/Плата* и др., населенный пункт *Витава* на побережье Азовского моря и др.¹⁰⁸ По мнению О. Н. Трубачева, древнее славянское население северного Причерноморья постепенно отступало на север под натиском степных кочевников, и лишь в XVIII в. произошло вторичное освоение этих земель. Воспоминания о древнем славянском населении

¹⁰⁵ Свод древнейших письменных известий о славянах (I–VI вв.). С. 201. Известия Прокопия подтверждаются и восточными источниками — прежде всего, в труде ат-Табари (по версии Бал'ами), а также Ибн Исфендияра (XIII в.), ср.: Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси... С. 362.

¹⁰⁶ Подробнее о различных точках зрения на проблему см.: Свод древнейших письменных известий о славянах (I–VI вв.). С. 296–303.

¹⁰⁷ Талис Д.Л. Топонимы Крыма с корнем *Рос-* // Античная древность и Средние века 10 (1973). С. 229–234; *опи же*. Росы в Крыму. С. 87–99.

¹⁰⁸ Трубачев О.Н. К истокам Руси. С. 199–205. Некоторая слабость аргументации О.Н. Трубачева состоит в том, что хронология этих названий остается непроясненной — вполне возможно, что архаичность некоторых из них преувеличена.

юга России сохранились, по Трубачеву, в известном пассаже «Слова о полку Игореве»: **Се бо два сокола слѣтъста съ отня стола поискати града Тьмутороканя**¹⁰⁹. Колонизация бассейна Дона проходила, по Трубачеву, из земли северян — этим объясняется и древний эпитет р. Дона «Северский», и связь Тмутаракани с Черниговом¹¹⁰. Город *Беловежа*, находившийся в земле северян у реки Остер, впадающей в Десну, О. Н. Трубачев сопоставляет с хазарским Саркелом (др.-рус. **Бѣлая Вежа**), расположенным в излучине Дона¹¹¹.

Сообщения восточных источников (Ибн Русте, ал-Мукаддаси и других) об «острове ар-Русийа» в Приазовье О. Н. Трубачев интерпретирует как указание на древнее население дельты Кубани¹¹². Также встречающееся в арабских источниках название третьего центра Руси (вслед за *Куяба* и *Слава*) — *ал-Артанийя* (*Арсанийя*) — понимается вслед за А. И. Соболевским как передача греческого названия Кубани и ее дельты — *Οὐαρδάνης*¹¹³.

Этноним *Русь* О. Н. Трубачев возводит к диалектному индоар. *ruksi-*, которое отразилось в греческом этнониме *Ῥεξιναλοί* из декрета правителя Диофанта (Таврика, II в. до н.э.) и сопоставляется с др.-инд. *roká* 'свет' и *rukṣá* 'блестящий'. Название *Ῥεξιναλοί* возводится к индоар. **ruksi-nav-var-* 'белый новый город', ср. греч. *Νεάπολις* 'Новый город (Неаполь Скифский)'¹¹⁴. О. Н. Трубачев специально подчеркивает, что корень *russ-* невозможно возводить к ирано-аланскому суперстрату, поскольку на иранской почве индоевропейская форма имела бы вид *rux-*¹¹⁵. Первоначальное индоар. **ruksi-*, по Трубачеву, в результате частичной ассимиляции перешло сначала в **rutsi-* (которое и было заимствовано в финно-угорские языки около VII в.), а затем в *russi-* > *rusi-*¹¹⁶.

¹⁰⁹ Трубачев О.Н. К истокам Руси. С. 206–207.

¹¹⁰ Там же. С. 208.

¹¹¹ Там же. С. 210–211.

¹¹² Там же. С. 216–218.

¹¹³ Там же. С. 220.

¹¹⁴ Там же. С. 225–226; ср.: Трубачев О.Н. Indoarica в северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 267.

¹¹⁵ То же — Трубачев О.Н. Indoarica. С. 123.

¹¹⁶ Трубачев О.Н. К истокам Руси. С. 246–247.

Продолжения и.-е. корня *ruks-* О. Н. Трубачев видит и в топонимии Приазовья, зафиксированной древними источниками — сюда относятся названия **Ruk-osta-/*Ruk-usta-* 'светлое устье', *Ruksa-tar-/Rossa-tar-* 'белый берег' (на западном берегу Крыма — отмечено на средневековых итальянских картах), ойконимы Керченского пролива **Ko-rusia* (Κορουσία), **Ge-rusa* (Γέρουσα), **Asta-rusia* (Ἀστερουσία), зафиксированные Птолемеем и Стефаном Византийским. Сюда же относится и упоминание Псевдо-Захарией народа *Hros*.

Загадочный термин Константина Багрянородного для северо-западного побережья Черного моря *Χρυσὸς λεγόμενος* О. Н. Трубачев интерпретирует как переосмысление местного индоарийского *rusa-* 'светлый'¹¹⁷. Этот же индоевропейский корень отразился в названии *Χρυσή*, отмеченом у Евсевия Кесарийского: *ἐν πᾶσι τοῖς ἐξ ἀρκτικῶν μερῶν τοῦ Πόντου ἔθνεσι, καὶ ὅλη τῇ Αἰτανία καὶ Ἀλβανία καὶ Ὠτηνῇ καὶ Σαννία καὶ ἐν Χρυσῇ*.¹¹⁸ Сюда же относится древнерусское наименование устья Днепра — **Бѣлобережье**.

Двойственную форму имени *Русь* (*rus'/rhos*), которая до недавнего времени постоянно ставила в тупик исследователей¹¹⁹, О. Н. Трубачев объясняет древним индоевропейским чередованием гласных в его местном, индоарийском варианте: *Rok-(*Rauk-), Ruks-, Ross-/Russ*.¹²⁰

Методологически гипотеза Трубачева основана прежде всего на том бесспорном и многократно доказанном факте, что многие позднейшие названия содержат в измененном виде названия более ранние, зачастую совершенно иные по происхождению. Особенно это касается греческой ономастики Причерноморья. Так, например, византийское название современного болгарского г. *Несебр* *Μεσημβρία* совершенно необъяснимо — 'полдень, юг', при том что город находился на крайнем севере Византийской империи. Объясняется это тем, что в названии *Μεσημβρία* адаптирован к греческому языку более ранний ойконим, объясняемый из

местного илирийского диалекта. Аналогично названия проливов *Βόσπορος* 'Керченский пролив' и *Βόσφορος* 'Босфор' невозможно (как это делалось в античной традиции) возводить к сложениям типа 'бычий брод', потому что греческое словообразование допускает здесь только формы *Βούπορος*, *Βούφορος*, ср. корректное греческое сложение *Βουκέφαλος* (Буцефал, кличка коня Александра Македонского) или название древней манеры письма «бустрофедон», греч. *βουστροφηδόν* 'как бык, ведущий борозду на пашне'. Следовательно, в традиционных греческих названиях *Βόσπορος*, *Βόσφορος* следует искать близкие по звучанию слова какого-то другого, негреческого языка. Именно такие соображения лежат в основе метода О. Н. Трубачева, который следует признать безусловно плодотворным. Другой вопрос — насколько надежны предлагаемые им реконструкции первоначальных (индоарийских) форм причерноморских ойконимов и гидронимов. Поскольку исследование языковых реликтов индоариев в этом регионе с их открытием О. Н. Трубачевым только начато, решение этого вопроса целесообразно отложить на будущее.

IV

В завершение нашего аналитического обзора можно сказать, что в историко-этимологическом аспекте «южная» этимология *Руси* в настоящее время может считаться не менее (а скорее даже более) обоснованной, чем этимология «северная». В отличие от «скандинавской» гипотезы, практически лишенной сильных сторон и потому обреченной постоянно апеллировать к авторитету Нестора, индоарийская этимология О. Н. Трубачева имеет лишь одну слабую сторону — она не доказывает, а лишь постулирует достаточно необычный фонетический переход **ruksi-* (точнее, **r(o)uksi-* с дифтонгическим *u*) > **r(o)utsi*.¹²¹

¹¹⁷ Трубачев О.Н. К истокам Руси. С. 226–227.

¹¹⁸ Латышев В.В. *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 664.

¹¹⁹ Ср., например: Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 189.

¹²⁰ Трубачев О.Н. К истокам Руси. С. 230.

¹²¹ Трубачев О.Н. К истокам Руси. С. 246–247. Для праславянского консонантизма данный переход не характерен, ср.: Aitzetmüller R. *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*. Freiburg i. Br., 1991 (2., verbesserte und erweiterte Auflage). (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, Fontes et dissertationes; T. XXX). S. 45. Ситуация с переходом *-ks- > -ts-* в индоарийском остается неясной. Ср. также: Schramm G. *Die Herkunft des Namens Rus'*. S. 31–33.

Пока позиционный фонетический переход (ассимиляция) $k > t$ в индоарийском не получил подтверждения, наиболее вероятной, на наш взгляд, остается славянская этимология этникона *Русь*, обоснованная польским славистом Я. Отрембским¹²² и впоследствии поддержанная С. Роспондом и (с оговорками) Х. Ловмянским¹²³. За исключением отдельных спорных моментов¹²⁴ «славянская» гипотеза сводится к следующему. Название *Русь* непосредственно связано с севернорусским гидронимом и ойконимом *Рус(с)а*, а также с гидронимом *Рось* (правый приток Днепра ниже Киева), однако не восходит к ним. Все три названия возводимы к праславянскому корню (с его балтийскими соответствиями) **rūd-/*roud-/*ryd-* (из *rūd-*) 'красноватый, бурый, рыжий', отражениями которого служат также рус. *рдеть, руда, ржа* (из **rūdja*), *русый, рыжий* (из прасл. **rydъ* 'рыжий'), *рудый*, ойконим *Родья* (из **Rūdъnja*, крепость на р. Рось — ПСРЛ I, 77), гидроним и ойконим *Орша* (из прасл. **Rь(d)sja*), а также слово *рысь* 'животное рыже-коричневой масти'¹²⁵.

Что касается структуры форманта *-sb*, то он состоит из суффикса *-s-* (как в *русый* — из **roud-s-b*) и окончания *i*-основ жен. р. *-b* в собирательном значении — ср. отмеченные в ПВЛ аналогичные (не финские) этнонимы на *-b*: *серебь* 'сербь' (ПСРЛ I. С. 6), вероятно, *чудь*¹²⁶, а также балтийские этнонимы *корсь* (балтийское население Курляндии — ПСРЛ

¹²² Otrębski J. *Rusь* // *Lingua Posnaniensis* 8 (1960). P. 219–227.

¹²³ Rospond S. *Pochodzenie nazwy Rusь* // *Rocznik slawistyczny* 38 (1977). Cz. 1. S. 35–50; он же. *Miscellanea onomastica Rossica*, III: Несколько замечаний о названии «Русь» // *Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы*. М., 1979. С. 43–47; *Ловмянский Х.* *Норманны и Русь*. С. 187.

¹²⁴ Подробнее см.: *Schramm G.* *Altrußlands Anfang*. S. 79–81.

¹²⁵ В свою очередь, праслав. **rūd-/*roud-/*rūd-* восходит к и.-е. группе *rudh-/rūdh-/roudh-(reudh-)* — ср. лат. *ruber* и *russus*, греч. *ῥουθρός* 'красный' и т. п. Неясно, можно ли славянскую этимологию *руси* поставить в связь с сообщениями Прокопия и арабского автора ал-Ахталя (VII в.) о том, что славяне (у Прокопия — склавины и анты) имеют красноватый цвет кожи (*ὀπέρουθροι*), ср.: *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. I. С. 184; *Дьяконов А.П.* *Известия Псевдо-Захарии о древних славянах*. С. 88.

¹²⁶ *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка*. Т. IV. М., 1987. С. 378.

I. С. 4, 11), *жмудь, голядь, ятвязь*¹²⁷. К этому типу относятся также др.-рус. *донь* 'датчане', *сурь* 'сирийцы', *мурь* 'мавры', *скуфь* 'скифы'¹²⁸ и собирательные формы *чадь, челядь, чернь, дичь, мелочь* (три последних слова, как и реконструируемый прототип **roud-s-b*, образованы от прилагательных). Аналогичным образом образован и термин *латынь*, первоначально обозначавший не язык, а совокупность западноевропейских народов, исповедующих католицизм¹²⁹. Таким образом, вопреки старому мнению о неславянском характере словообразовательной модели *Русь*, эта модель демонстрирует продуктивность как в древнейшей русской этнонимии, так и в апеллятивной лексике. В силу этого нет ни малейших оснований не рассматривать эту модель как исконную.

Очевидная продуктивность словообразовательной модели *Русь* в древнерусском языке почему-то укрылась от внимания столь уважаемого филолога как Г. Шрамм. В своей недавней монографии о начале Руси последний, приведя длинный ряд древнерусских собирательных слов и этнонимов на *-b*, тем не менее под любым предлогом стремится отказать этнониму *Русь* в славянском происхождении. Так, по Шрамму, не общеславянская собирательная *-b*-модель была использована при образовании имени *Русь*, а наоборот, пришедшее с севера название *Русь* инициировало в ономастике целый ряд аналогичных конструкций¹³⁰. К сожалению, автор не привел других подобных случаев, когда единичное заимствование вопреки русской языковой системе привело бы к созданию целой словообразовательной модели. Без типологического обоснования подобные соображения (оформленные преимущественно в немецких модальных конструкциях со словами *wahrscheinlich, vermutlich* и т.п.) выглядят не более чем спекуляцией. Обширный пассаж монографии Шрамма о том, что «могло» и чего «не могло» быть «в раннее время» в древнерусской ономастике, завершается программной ссылкой на Нестора, подтверждая тем самым, что для некоторых лингвистов *philologia* до сих пор остается всего лишь *ancilla chronographiae*, призван-

¹²⁷ *Schramm G.* *Altrußlands Anfang*. S. 91, 95.

¹²⁸ Там же. S. 93, 97.

¹²⁹ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Т. 8. С. 180.

¹³⁰ *Schramm G.* *Altrußlands Anfang*. S. 97–98.

ная во что бы то ни стало, даже ценой откровенного насилия над логикой, оправдать близкую немецкому сердцу теорию хрониста XII в.

Славянскому характеру слова *Русь* не противоречат и данные русской акцентологии. Так, согласно авторитетному исследованию, термин *Русь* наряду с такими словами как *дверь*, *кость*, *кровь* и др. относится «к числу праславянских (выделено мной — К.М.) окситонированных имен»¹³¹ (термин «праславянский» означает, что слово уже было в славянском языке, а значит возникло не позднее VII–VIII вв. н.э.).

Наши рассуждения подводят нас к вопросу о том, насколько вероятно присутствие славянского населения по соседству с народами Средней Волги в VI–VII вв. В свете археологических (В. В. Седов) и лингвистических (В. Напольских) исследований такое присутствие можно считать вполне вероятным. По В. В. Седову, славянской была средне-волжская именьковская культура (IV–VII вв.), имеющая многочисленные параллели с однозначно славянской волынцевской культурой VI–VII вв., локализуемой в междуречье Днепра и Дона (для двух культур характерна однотипная керамика с цилиндрическим верхом и высокими плечиками, сходные по форме миски и глиняные сковородки, сходная орнаментика, однотипные поселения, и особенно однотипные погребения). Более древняя именьковская культура замирает в конце VII в. в связи с вторжением тюркских кочевников с востока, носители этой культуры перемещаются западнее, оказав большое влияние на волынцевскую культуру, которая, в свою очередь, продолжала традиции более древней (но также славянской) пеньковской культуры антского времени¹³². По В. Напольских, пра-

¹³¹ Колесов В.В. История русского ударения: Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972. С. 94. Акцентная парадигма названия *Русь* относится к архаичному типу *с* и выглядит следующим образом (ударный гласный обозначен прописной буквой): им. ед. *рУсь*, род. ед. (всех) *рУси* / (из, до, к) *русИ*, дат. ед. *рУси*, вин. ед. *рУсь*, тв. ед. — нет данных, мест. ед. (на, в) *рУси* / *русИ* (там же. С. 37, 73, 77–79, 82, 83).

¹³² Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 304–315; он же. Древнерусская народность. С. 59–60. В отзыве на нашу работу А.В. Кузьмин отметил, что в археологии существуют и альтернативные точки зрения, безусловно, заслуживающие внимания. Однако напомним, что археологические темы не находятся в фокусе нашего

славянские заимствования в пермских языках не могли быть сделаны ранее распада пермской этноязыковой общности — следовательно, они явились результатом славяно-пермских языковых контактов середины I тыс. н.э.¹³³

Сильной стороной «славянской» гипотезы является то, что она объясняет все без исключения данные источников о Руси, как то: заимствованные из древнерусского языка формы *Ruzara*, *Ruzzi*, *Ruzi* в южнонемецких документах IX–X вв., незнание франков со скандинавской Русью еще в начале IX в. (Бертинские анналы), отождествление русов и славян у Ибн Хордадбега и других, северокавказский этноним *Hros/Hrus* Псевдо-Захарии и ас-Са'алиби, название «Русская земля» для Киева и соседних территорий (р. *Рьсь*) с его последующим перенесением на север (р. *Русса*)¹³⁴, практически полное отсутствие упоминаний о заморской (скандинавской) Руси в древнейших версиях русских летописей и сближение (без полного отождествления) Руси с варягами только в поздней редакции Нестора¹³⁵, и упоминание «внешней» (т.е. северной, новгородской) *Руси/Росии* у Константина Багрянородного и ал-Идриси в оппозиции к предполагаемой «внутренней» (т.е. исконной, Киевской) Руси¹³⁶, и многие другие. Но самое главное — эта гипотеза объясняет загадочное зап.-фин. *ruotsi* и его соответствия в пермских и волжских языках как раннее заимствование из праславянского *roud-sь, восходящее к эпохе до упрощения консонантных групп в праславянском. Соответственно, перенос этого названия на шведов, наблюдаемый в центре финского ареала, в полном соответствии с законами ареальной лингвистики следует рассматривать как позднейшую инновацию¹³⁷. Благодаря этому допущению полностью снимается

труда, который, как следует из заглавия, ограничен в основном источниковедческой и лингвистической проблематикой.

¹³³ Napolskich V.V. Die Vorslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des I. Jahrtausends unserer Zeitrechnung // Finnisch-Ugrische Mitteilungen 18–19 (1996). S. 97–106.

¹³⁴ Ловмянский Х. Норманны и Русь. С. 193–194.

¹³⁵ ПСРЛ I. С. 143: **совокупивъ Русь и Варягы и Словѣнь.**

¹³⁶ Подробнее: Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 308–310.

¹³⁷ Ср. Ловмянский Х. Норманны и Русь. С. 174; Трубачев О.Н. К истокам Руси. С. 240. В ходе обсуждения данной работы не раз высказывалось предположение (А.В. Назаренко, А.А. Гиппиус), что фин-

вопрос о том, когда восточные славяне вступили в языковой контакт с западными финнами¹³⁸, поскольку благодаря широкому (по сравнению с индоарийским) распространению славянского корня *roud- слово *Русь* могло прийти к западным финнам не с юга, а с юго-востока, через посредство пермских и волжских народов, в языках которых как раз зафиксировано более архаичное значение '(восточный) славянин'. Разумеется, из этого последнего допущения с необходимостью вытекает и восточнославянский этнический характер причерноморской Руси в VI–VII вв.

Postscriptum

Когда статья была подготовлена к печати, к нам попала работа американско-украинского исследователя А. Даниленко (английскую транслитерированную форму *Danylenko* можно было бы передать по-русски и как *Данылэнко*, если бы это позволяли правила русской орфографии): *Danylenko, Andrii. The name „Rus“*. In search of a new dimension // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas N. F.* 52 (2004). S. 1–32. Почти весь объем статьи занимает подробное изложение истории вопроса (от чего мы намеренно отказались из-за необозримости темы) с хорошим библиографическим аппаратом. Странным однако выглядит то обстоятельство, что автор совершенно не разбирает славянскую этимологию *Руси*, которая, как мы пытались показать, является наиболее обоснованной и либо подтверждается подавляющим большинством источников, либо не противоречит им. Точку зрения самого А. Даниленко читатель узнает только на предпоследней странице труда — автор принимает выводы

ское название *Ruotsi* могло всякий раз переноситься на ближайших соседей финнов — шведов или русских, т.е. смена семантики может объясняться только этническими контактами. Однако эта гипотеза не объясняет, почему *Ruotsi* могло обозначать и самих финнов. С другой стороны, как показано выше, проблема этнических контактов не снимает проблему этимологии — ведь слово *Ruotsi* не выводится ни из финского, ни (как показано выше) из древнешведского языков. Балтийский также не рассматривается, поскольку балтийские праформы не содержат форманта *-si*. Из всего этого с необходимостью следует, что слово *Ruotsi* заимствовано в финский из славянского.

¹³⁸ Обычно начало таких контактов относится к VIII в., ср. прим. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина к соответствующему пассажию книги: *Ловмянский X. Норманны и Русь*. С. 281 (прим. к с. 184).

работы Г.Ф. Ковалева (О происхождении этнонима Русь // *Studia Slavica Finlandensia* 111 (1986). С. 68–90) о заимствовании слова Русь из балтийско-финского *gōtsi в значении 'внешние, чужие' (*outsiders*) с оформлением славянским коллективным суф. *-b*. Предполагается, что финский термин первоначально обозначал северо-восточных славян, а затем был перенесен на варягов. Автора (судя по аргументации, лингвиста) можно похвалить уже за то, что он не настаивает на совершенно необоснованной лингвистически скандинавской гипотезе. Тем не менее, мы не можем принять и финскую этимологию слова *Русь*. Главной слабостью этой этимологии (как и многих других) является неясность происхождения фин. *Ruotsi*. По нашему мнению, именно надежная этимология этого финского слова дает ключ к этимологии названия *Русь*. К сожалению, в работе Даниленко эта проблема не решена, а значит мы имеем дело с еще одной слабо обоснованной гипотезой, количество которых и без того уже превысило все разумные пределы.

Zusammenfassung

Der vorliegende Artikel behandelt die vielschichtige Frage nach dem Ursprung des Volks- und Landnamens *Rus'* unter sprachgeschichtlichem Blickwinkel mit besonderer Rücksicht auf die ältesten schriftlichen Quellen überwiegend des 9.–11. Jahrhunderts. Anfänglich wird darauf aufmerksam gemacht, daß die uralte (aber bislang nicht allgemein anerkannte) skandinavische Etymologie des Namens *Rus'* schon insofern kaum haltbar ist, als dieser Name weder im Altnordischen noch in einer anderen germanischen Sprache (bzw. deren Urdialekten) irgendeine verlässliche Urform aufweist. Von daher wiederum kann das finnische *Ruotsi*, welches für die Urform des slavischen *Rus'* immer wieder ausgegeben wird, aus dem Altnordischen nicht erklärt werden. Des weiteren wird auf frühmittelalterliche Quellen westeuropäischer, byzantinischer und orientalischer Provenienz eingegangen und demonstriert, daß der in ihnen vorkommende Name *Rus'* auf keinen Fall als eindeutig „germanisch“ zu interpretieren ist. Die Namen der Dnjepr-schnellen in „De administrando imperio“ des Konstantin Porphyrogenetos, welche seit langem zur Begründung der germanischen Herkunft und Etymologie von *Rus'* dienen, werden vom sprachlichen Gesichtspunkt neu analysiert, wobei zum

Teil neue Etymologien vorgeschlagen werden. Orientalische Quellen, angefangen von Pseudo-Zacharias (Mitte des 6. Jahrhunderts), erwähnen das Volk *Rus'* im nördlichen Schwarzmeergebiet, wo zu jener Zeit keine Vikinger anwesend waren. In diesem Zusammenhang wird die neue, von Oleg Nikolaevič Trubačev (Akademienmitglied der Russischen Akademie der Wissenschaften) entwickelte „indoarische“ Etymologie, welche grundsätzlich auf die Verbreitung des Namens *Rus'* vom Süden nach Norden hindeutet, erörtert (und abgelehnt). Letztendlich wird auf die von polnischen Sprachwissenschaftlern längst begründete slavische Etymologie zurückgegriffen, welche zusammen mit der südlichen Lokalisierung der Ur-*Rus'* im Schwarzmeerraum notwendigerweise die Entlehnung des westfinnischen *Ruotsi* aus dem Urostslavischen *roud-sv über ostfinnische Sprachen des Wolga-Beckens im 7. oder 8. Jahrhundert voraussetzt.